

сохранялась от времен Обейда до правления Урукагины. Таким образом, для всего этого периода автором молчаливо признается отсутствие рабства, хотя на стр. 130 появляется запоздалое упоминание автора об изображениях связанных пленников, свидетельствующих о наличии рабства. Весьма неопределенны представления автора о «бедных классах» Шумера, употребляющих, в отличие от царей и знати, медные, а не золотые украшения (стр. 162); в этом случае остается неясным, какой социальный слой имеется здесь в виду. Совершенно опущена роль государства (в частности египетской деспотии), как орудия господствующего класса. На стр. 89 дается довольно идиллическое описание деятельности первых фараонов, положивших конец внутренним междоусобицам и обеспечивших дальнейший подъем хозяйства. Не показан хищнический характер внешней политики первых рабовладельческих государств. Автор с полной серьезностью заявляет, что шумерские и аккадские цари заботились лишь о защите цивилизации от горцев и об охране мирных купцов, отправляющихся в соседние страны (стр. 169). Однако здесь упущен общеизвестный факт, что в составе первых рабов Месопотамии преобладали соседние горцы.

В некоторых случаях совершенно неприемлема социальная терминология Чайльда: например, харалпская буржуазия III тысячелетия до н. э. (стр. 175), капитал, вложенный в землю древнейшими египетскими земледельцами (стр. 24). Слишком часто говорит автор о всевозможных революциях (неолитической, урбанической), причем он не останавливается перед сравнением подобных «революций» с индустриальным переворотом в Англии (стр. 23). Очень странно звучит выражение «кафедральный собор» (cathedral) в применении к протошумерийскому храму.

Г. Чайльд не дает характеристики неолитических и хальколитических культур Закавказья и Средней Азии. Лишь мимоходом он отмечает значение этих стран, в частности Закавказья, как важного очага металлургии.

К сожалению, Г. Чайльд не учитывает археологические открытия советских исследователей. А между тем сравнение ювелирных изделий урских гробниц с весьма сходными с ними находками в майкопских курганах и в курганах Триалети позволили бы автору проследить элементы взаимосвязи этих культур. Выпали из поля зрения Г. Чайльда и открытия советских археологов в Хорезме и Туркмении, где за последние годы сделаны важные открытия по хальколиту.

Некоторое сомнение вызывает преувеличение автором подвижности охотничьих племен и возможности значительного взаимодействия между ними (стр. 23). Спорны отдельные хронологические выкладки автора, например утверждение, что Таса древнее, чем Меримде-Бенисаламе, чрезмерное увеличение длительности урукского периода — на все IV тысячелетие и пр.; некоторая неясность имеется и в вопросе о первом появлении бронзы в Месопотамии.

Следует считать неудачным упоминание о яфетидах, хотя и в шпайзеровском смысле (стр. 12), т. е. как об этнической группе, а не стадии.

В целом же, несмотря на имеющиеся недочеты, труд Г. Чайльда представляет большой интерес. Ценный и хорошо подобранный археологический материал, а также ряд интересных наблюдений и выводов автора заслуживают внимательного ознакомления с ними историков древнего мира. Поэтому представляется желательным и эту работу Г. Чайльда видеть переведенной на русский язык.

Д. Редер

M. WHEELER, The Indus civilization, Cambridge history of India, Cambridge, 1953.

Древнейшая культура бассейна Инда, открытая тридцать с лишним лет назад индийскими археологами Дайя Рам Сахни и Р. Банерджи, до сих пор еще не изучена во всех ее многообразных проявлениях. Ныне, как и четверть века назад, остается

неясным, какие народы населяли цветущие города в долине Инда и на берегах пенджабских рек, куда уходят корни этой богатой и чрезвычайно своеобразной культуры, какое влияние она оказала на исторические судьбы народов Индии. Хотя установлено наличие бесспорных связей главных центров цивилизации бассейна Инда — Хараппы и Мохенджо-Даро с Двуречьем и Эламом и определены возрастные рамки этой цивилизации, но все еще не выявлены ее взаимоотношения с доисторическими земледельческими культурами Белуджистана и Ирана. Не расшифрована протоиндийская письменность, не изучены богатейшие материалы, позволяющие яснее представить себе особенности социального строя Хараппы и Мохенджо-Даро. И вместе с тем руины 62 поселений, рассеянных на огромной территории от подножья Гималаев до берегов Аравийского моря и Персидского залива, намечают круг чрезвычайно важных проблем, связанных с формированием раннерабовладельческих обществ древнего Востока.

Рецензируемая книга Мортимера Уилера содержит данные о новых археологических исследованиях в Мохенджо-Даро, в районе Кветты, в долине Тагау между Кветтой и Налом (Центральный Белуджистан) и в Раджастхане (штат Биканир), проведенных в 1950—1952 годах.

В ряду британских археолого-индологов Уилер занимает особое место, отличаясь от своих коллег поисками новых путей к «археологическому синтезу». Будучи директором археологической службы Индии, Уилер с едким сарказмом охарактеризовал порочные методы ведения раскопок этим ведомством недавнего британского колониализма и пришел к выводу, что «после 12 и более лет работ колоссального масштаба, мы не имеем данных о развитии в глубину культуры Инда. Мы почти ничего не знаем об эволюции типов керамики, печатей и других объектов... Мы утверждали, что век за веком эта выдающаяся культура сохраняла утомительное единообразие, но причина этого единообразия заключается в том, что раскопки велись без применения аналитических методов. Элементы стратиграфии не изучались, и все краски на палитре оказались смешанными, давая единый, грязнобурый тон»¹.

Уилер отмечал, что, поскольку в Мохенджо-Даро и в Чанху-Даро не проводилось стратиграфического подразделения культурного слоя, 50 тысяч предметов, обнаруженных при раскопках, оказались лишенными датировки. По той же причине невозможно типологическая и хронологическая корреляция различных очагов и комплексов протоиндийской культуры, и внешне эффектные и «отважные попытки, предпринятые в последние годы, дабы выявить следы культуры Хараппы в рассеянных культурах Синда, Белуджистана и Ирана, были безуспешны и не дали сколько-нибудь определенных результатов»².

Невольно подтверждая горькие слова С. А. Данге, говорившего, что «археологический департамент иностранной державы не интересовался прошлым Индии»³, Уиллер признал, что в британской Индии не созданы были основы археологической науки «в той мере, как это частично было осуществлено в Западной Азии, Европе и Америке, или в той степени, как это имеет место в Китае, где наука развивается, несмотря на варварское опустошение этой страны, учиненное во имя прогресса»⁴.

В работе об исследованиях 1946 г. в Хараппе Уилер предпринял весьма удачную попытку расчленения монотонного комплекса протоиндийской культуры. Такого рода исследования до 1946 г. были осуществлены лишь в Рана-Гхундаи (северный Белуджистан) Е. Россом и в Амри, Джхукаре и двух-трех близких к этим пунктам поселениях юго-западного Синда талантливым безвременно погибшим индийским археологом Н. Г. Маджумдаром.

Все эти обстоятельства позволяли предполагать, что сводная работа Уилера даст

¹ M. Wheeler, *Antiquity*, 1950, т. 96, № 24.

² M. Wheeler, *Harappa 1946*, «Ancient India», 1947, № 3, стр. 59.

³ С. А. Данге, *Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя*, М., 1950, стр. 25.

⁴ M. Wheeler, *Archaeological planning in India*, «Ancient India», 1946, № 2, стр. 125.

возможность более основательно и всесторонне оценить фактические материалы по древней культуре бассейна Инда. Надежды эти оправдались, однако, далеко не полностью.

Уилер лишь в очень малой мере проявляет интерес к проблеме исторических связей бассейна Инда с прочими областями древнего Востока. В поле зрения Уилера оказывается лишь ареал культуры Хараппы, т. е. долины Рави, Сатледжа и Инда, и горные земледельческие культуры («нагорные селения» — hill villages) белуджистанской периферии бассейна Инда — Кулли, Нал, Тогау, Кветта, Эхоб. Редкие «вылазки» за пределы этого ареала автор совершает лишь для обоснования сравнительным материалом частных положений.

Между тем данные археологических исследований последних лет, особенно же раскопок в Сирии, Палестине, Месопотамии и Иране, позволяют рассматривать культурные комплексы протоиндийской области в тесной связи с типологически (а в известной степени и хронологически) близкими комплексами Передней Азии. Сравнительное изучение земледельческих культур неолита, энеолита и бронзы на переднеазиатском и индийском (Белуджистан, юго-западный Синд) материалах дает очень многое для познания генезиса раннерабовладельческих обществ, зародившихся на рубеже IV и III тысячелетия до н. э. в долинах Тигра-Евфрата и Инда. В этом отношении работа Стюарта Пиггота¹ и особенно последнее издание книги Г. Чайльда² бесспорно дают больше, чем «Цивилизация Инда». Данные о новых археологических открытиях в Белуджистане и Раджастанхоне скудные и отрывочные, хотя Уилер несомненно располагал достаточным материалом для их более основательной оценки.

Тот же принцип намеренного самоограничения выдерживается и при описании материальной культуры Хараппы, Мохенджо-Даро и Чанху-Даро. Об археологических остатках этих центров протоиндийской культуры Уилер дает меньше сведений чем Маккей в «Древнейшей цивилизации долины Инда». Протоиндийской письменности Уилер уделяет одну единственную страницу и при этом походя отвергает все попытки ее расшифровки, как необоснованные.

Однако «Цивилизация Инда» обладает рядом неоспоримых достоинств. Уилер проявляет интерес к проблемам общественного строя древнейшей Индии. Стремление разобратся в характере социальных отношений в известной мере определяет и его интерпретацию археологических данных, хотя методика сравнительного изучения производственных отношений древних обществ чужда Уилеру в той же степени, как и другим буржуазным археологам, а его социальная терминология весьма неточна и нередко модернизирована (кули в качестве термина для обозначения рабов — наглядный тому пример).

К числу положительных качеств работы следует отнести способ изложения. Уилер ведет описание основных очагов протоиндийской культуры, привлекая свежий, малоизвестный материал, избегая стандартных схем, сложившихся в археологической литературе после выхода в свет в 1931 г. капитального труда Дж. Маршалла по Мохенджо-Даро. В силу этого «Цивилизация Инда» воспринимается как новая по материалу работа, и тот факт, что в основе этой книги лежат собственные и частично еще не опубликованные исследования автора, позволяет расценивать ее как вполне оригинальный научный труд.

Книга состоит из двадцати небольших разделов. Вводные разделы — терминология очагов протоиндийской культуры, общая хронология и описания климата предшествуют наиболее важным и интересным главам, в которых дается характеристика белуджистанских культур, Хараппы, Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, а также памятников протоиндийской культуры у берегов Аравийского моря (Суткаген-Дор) и в северном Белуджистане (Дабаркют, близ Лоралаи). Далее следуют тематические разделы — тип погребений и костных останков, военное дело, торговля и транспорт, сельское

¹ Stuart Piggot, Prehistoric India, Harmondsworth, 1950.

² V. Gordon Child, New light on the most ancient East, L., 1952.

хозяйство, искусство и ремесло. Краткому заключению предпосланы три раздела, посвященные письменности, религии и датировке культур бассейна Инда.

В вводных разделах Уилер проводит четкое разграничение комплексов древних культур. Термины «цивилизация Инда» или «цивилизация (культура) Хараппы» автор применяет к равнинным поселениям, где определенно выражены «высокоразвитая городская экономика и городские порядки». Автор склонен принять гипотезу Пиггота, считавшего, что в бассейне Инда существовало два государства — хараппское и мohenjodaroское, однако при этом он отмечает, что эта гипотеза хотя и допустима, но в сущности основывается на недостаточной еще изученности области, расположенной на стыке северо-восточной и юго-западной групп.

Раздел «Нагорные селения» (стр. 8—14), как указывает сам автор, составлен по материалам сводки Пиггота. Однако новые открытия на холме Куле-Гул-Мухаммед и в Тогау в значительной мере подрывают схему, которую в соответствии с концепцией Мак-Коуна разработал Пиггот для «типологической» корреляции белуджистанских культур¹.

Мак-Коун, а вслед за ним и Пиггот свели все многообразие земледельческих культур Ирана и Белуджистана к двум комплексам — красной и желтой керамике.

На этом принципе строилась классификация культур в этих областях, причем красная керамика признавалась определяющей особенностью для северных районов, а желтая для южных.

Уилер, справедливо отмечая, что «для научной классификации подобная основа может показаться достаточно легкомысленной» (frivolous), привел данные новых археологических исследований Б. де Карди, которая в самом сердце страны желтой керамики, в долине Тогау, южнее Кветты обнаружила 20 доисторических селений с красной керамикой (стр. 9—10).

Очень большое значение имеет открытие в нижней части археологического разреза насыпного холма Куле-Гулл-Мухаммед, в пяти км к северо-западу от Кветты, у южной оконечности знаменитого Боланского прохода, древнейшей в Белуджистане и в бассейне Инда «докерамической» земледельческой культуры. Уилер указывает, что при раскопках найдены были кости овец или коз и «один вид сельскохозяйственной культуры», и сопоставляет Куле-Гул-Мухаммед с Джармо (северное Двуречье) — одним из основных комплексов среди земледельческих культур неолита и энеолита Двуречья. Отметим, что культура Джармо датируется по методу C_{14} примерно 5000 г. до н. э.

К сожалению, Уилер ограничивается кратким сообщением, и остается неизвестным, описан ли весь разрез Куле-Гул-Мухаммед, а между тем именно здесь может быть обнаружена относительно полная последовательность земледельческих культур от неолита до бронзы. Известно, что в подъемном материале на холме Куле-Гул-Мухаммед Пиггот в 1944 г. обнаружил черепки кветтского типа, видимо синхроничные керамике ранней Хараппы². Касаясь культур долины р. Зхоб, Уилер, опять-таки, мимоходом отмечает, что горизонты Рана-Гундаи II—III (опорный разрез Е. Росса), видимо, синхроничны комплексам, обнаруженным в 1946 г. под основанием хараппской цитадели (стр. 10 и 19). Это замечание важно для предварительной стратиграфической увязки культур северного Белуджистана и Хараппы³.

¹ D. M a c C o w n, The comparative stratigraphy of early Iran, Chicago, 1942; Stuart P i g g o t, The chronology of prehistoric N. W. India, «Ancient India», 1946, № 1, стр. 8—26.

² Stuart P i g g o t, A new prehistoric ceramic from N. W. India, «Ancient India», 1946, № 1, стр. 134.

³ E. P o s s, A chalcolithic site in Northern Baluchistan, JNES, т. 5, 1946, № 4, стр. 281—346), показал, что разрез Рана-Гундаи подразделяется на шесть стратиграфических горизонтов. Нижний (Рана-Гундаи I) относится к неолиту и отвечает довольно ранней стадии развития земледельческой культуры (аналог Хассуне в Месопотамии и подгоризонтам I₂—I₄ Сяллка в Иране). Второй горизонт, залегающий на первом горизонте с перерывом, содержит материальные остатки значительно более поздней

Нельзя согласиться с автором, когда он утверждает, что белуджистанские культуры отмечают скорее этап «поднятия занавеса, а не первый акт драмы, которая будет развешиваться перед ними» (под драмой имеется в виду история культуры Хараппы). Нагорные культуры не только предшествовали Хараппе, но сосуществовали с ней в течение весьма долгого времени, что подтверждается данными по Рана-Гундаи и по району Нала, а также материалами сравнительного изучения месопотамско-иранских ареалов, где устанавливается синхронность поздних этапов земледельческих культур в Тепе-Гисаре, Гиили и Сялке с рабовладельческими государствами Двуречья в пору их наибольшего развития.

В части, посвященной описанию основных центров культуры бассейна Инда, наибольший интерес представляют разделы, где подводятся итоги археологического изучения Хараппы и Мохенджо-Даро. Как известно, руины Хараппы подверглись варварскому разрушению в 1856 г. Английские военные инженеры сочли кирпич хараппских сооружений великолепным балластным материалом и при строительстве железнодорожной линии Мултан — Лагор сто миль рельсового пути уложено было на щебне из кирпичей III тысячелетия до н. э.¹ Поэтому при раскопках Хараппы приходилось преодолевать огромные трудности. Работы 1946 г. дали много нового. Была раскопана система укреплений хараппской цитадели. Под платформой из сырцового кирпича высотой 7—8 м удалось обнаружить следы дохараппского поселения с 30 черепками, близкими по облику к керамике горизонтов Рана-Гундаи II—III. С запада к платформе непосредственно примыкали крепостная стена и внешний вал, усиленный бастionsами более поздней постройки, сооруженными из обожженного кирпича. Выделяется не менее шести фаз строительства, причем с наиболее поздними связана коренная перестройка укреплений, свидетельствующая о весьма высоком уровне фортификационного искусства.

К северу от цитадели был исследован чрезвычайно интересный комплекс построек, частично уже известный до 1946 г. по работе Ватса². Между крепостной стеной и двумя группами больших зернохранилищ с подовой вентиляцией располагались 18 ступ для ручного размола зерна и две линии «барачного типа жилищ», которые были, повидимому, размещены за обводом кирпичных стен. Подобная система планировки, хорошо известная по данным раскопок в Двуречье и Египте и в основных своих чертах повторяющаяся в Мохенджо-Даро, подтверждает мнение В. В. Струве, отмечавшего, что «общество Хараппы было обществом рабовладельческим, близким к обществу Шумера». Жалкие лачуги рабов, зажатые между стенами цитадели и огромными государственными зернохранилищами, наглядно иллюстрируют это. На стр. 22—24 Уилер приводит сравнительную обзорную характеристику данных о расселении рабов в Хараппе, Тель-Амарне, Египте, Бау, Лагаше и Уре, отмечая при этом, что «сомкнутые ряды круглых платформ для помола зерна и м у н и ц и а л ь н ы е (?) или государственные зернохранилища поблизости достаточно ясно свидетельствуют о роде занятий обитателей барачных жилищ» (разрядка моя — Я. С.).

В описании Мохенджо-Даро (стр. 25—42) наибольший интерес вызывает сообщение о результатах исследований, предпринятых автором в 1950 г., когда Уилер раскопал мохенджодарскую цитадель, в пределах которой, как оказалось, помещались все административные и хозяйственные здания города. Искусственная платформа цитадели из сырцового кирпича и глины относится к периоду наибольшего развития города. Но под ней были обнаружены другие постройки, уходящие на неизвестную глубину. Грунтовые воды, уровень которых повысился не менее чем на 5 м со времени постройки цита-

эпохи (энеолит) и характеризуется применением гончарного круга, ирригацией (видимо, кярзного типа), развитым скотоводством и великолепными образцами керамики со стилизованными изображениями индийского быка. Тот же характер сохраняют горизонты III и IV; в V и VI горизонтах представлен уже иной тип культуры, с признаками явного упадка.

¹ A. C u n n i n g h a m, Archaeological survey of India, Report V, 1872/1873, стр. 106—107.

² M. S. V a t s, Excavations in Harappa, New Dehli, 1940.

дели, не дали возможности проникнуть на большую глубину, но, как указывает автор, работы 1950 г. отчетливо выявили отсутствие перерыва в последовательности культур.

Внутри цитадели, непосредственно к западу от большого бассейна (подробно описанного Маккеем), Уилер обнаружил колоссальное зернохранилище (50 × 25 м без позднейшей пристройки), сооруженное после того, как было воздвигнуто здание бассейна. Сохранился лишь фундамент из обожженного кирпича, состоящий из 37 блоков, причем восемь блоков на южной стороне были добавлены позже. Перекрестная система сквозных каналов в подовой части хранилища обеспечивала поступление свежего воздуха, и зерно, таким образом, не подвергалось опасности самовозгорания и порчи.

В описании Чанху-Даро автор излагает без существенных дополнений данные Маккея и Пиггота.

Следующий раздел, посвященный описанию Суткаген-Дора и Дабаркота, памятников хараппской культуры на «дальнем» западе и на «дальнем» севере (стр. 45—47), основывается на старых и весьма скудных материалах маршрутных обследований А. Стейна. Интересна, хотя и спорна, точка зрения автора, считающего, что Суткаген-Дор и Дабаркот являлись форпостами Хараппы и Мохенджо-Даро в белуджистанских горных проходах, естественных воротах, через которые шли торговые пути на запад — в Иран, Двуречье и Афганистан.

С разделами, в которых описываются основные центры культуры бассейна Инда, связана глава «типы погребений и костных останков» (стр. 48—52), интересная материалами исследований в Хараппе. В этом городе автором были в 1946 г. раскопаны некрополи двух различных эпох: более древний, эпохи Хараппы и поздний, послехараппский.

Чрезвычайно большой интерес вызывают погребения позднего некрополя. Здесь еще в тридцатых годах было выявлено два горизонта с погребениями в урнах и керамикой, резко отличной от хараппской в верхнем горизонте, причем на фризе одной из урн изображена «сцена, связанная с ведийскими идеями о переселении душ». Стратиграфические соотношения горизонтов позднего некрополя с хараппскими слоями остались неясными и после раскопок 1946 г., но Уилер считает возможным сейчас не признавать временную непрерывную последовательность хараппской культуры и культуры позднего некрополя. В этом случае последняя может, разумеется, быть на много столетий моложе Хараппы, и гипотеза о разрушении городов бассейна Инда народом Вед лишается археологического подтверждения.

Последующие разделы, охватывающие различные стороны культуры бассейна Инда, во многом совпадают с соответствующими главами «Древнейшей культуры Инда» Маккея и дают отчетливое представление о различных типах оружия и орудий труда, сельскохозяйственных культурах, фауне, изделиях хараппских, мохенджодарских и чанхударских ремесленников, в частности о знаменитых стеатитовых печатях, глиняных статуэтках, скульптурах из камня, керамике, системе мер и весов, торговле и средствах транспорта. Наиболее интересен раздел «Виды ремесла и искусство», в котором автор в поисках внехараппских параллелей совершает ряд экскурсов в историю Ирана, Двуречья, Сирии, Малой Азии, Египта и Крита, используя новейшие литературные данные.

Подобно Маршаллу, Маккею и Пигготу, Уилер полагает, что около 1500 г. до н. э. древние города долины Инда были разрушены племенами «ариев». Однако данные, на которых основывается эта гипотеза, вряд ли могут явиться основой для убедительных заключений. «Немые» археологические материалы Хараппы и Мохенджо-Даро и хронологически неопределенные, туманные и смутные указания Риг-Веды, источника, записанного много веков спустя после его сотворения, дают пока два взаимно не пересекающихся ряда свидетельств. Будущие археологические исследования в области расселения «ариев» и позднейших горизонтов основных очагов культуры бассейна Инда дадут, вероятно, ключ к пока еще нерешенной проблеме взаимосвязей народов Риг-Веды и Хараппы.

В кратком заключении к книге Уилер справедливо отмечает, что культура бассейна Инда не может рассматриваться как порождение месопотамской цивилизации, как колония городов Двуречья. Как в бассейне Инда, так и в долине Тигра-Евфрата, ве-

ликие равнинные цивилизации зародились в процессе развития и дальнейшей экспансии древних земледельческих культур нагорной периферии. Автор считает, что в последующие эпохи Месопотамия оказала значительное влияние на развитие культуры бассейна Инда, хотя последняя всегда сохраняла черты самобытности и единообразия. Однако, рассматривая далее вопрос о том, как проявились элементы этой самобытной культуры в последующей истории Индии, Уилер выдвигает положение об отсутствии преемственности между древней и средневековой Индией и Хараппой, ограничивая сферу влияния культуры бассейна Инда возможным воздействием религиозных представлений протоиндийцев на позднейшие шиваистские представления. Но, во-первых, в этом случае остается непонятным, в какой исторической обстановке «консервировались» загадочные семена шиваизма, давшие, неведомо почему, обильные всходы спустя тысячу лет после исчезновения древнейших городов Инда с лица земли. Во-вторых, материалы археологических исследований в бассейне этой реки и данные работ самого Уилера отчетливо свидетельствуют, что тысячи зримых «физических» нитей связывают Индию не только эпохи Маурьев, но и Индию современную с материальной культурой Хараппы.

Новые материалы, содержащиеся в «Цивилизации Инда», бесспорно, вызовут интерес археологов и историков к этой небольшой, но содержательной работе, которая дает отчетливое представление о древнейшей культуре народов Индии на современной стадии ее исследования. Было бы очень желательным видеть эту книгу Уилера, переведенной на русский язык.

Я. Свет
